

Дания. В Дании количество выданных академическими библиотеками материальных единиц сократилось с 2 945 109 в 2009 году до 1 938 206 в 2015 году, то есть на 24%. Но число посещений библиотек увеличилось за этот период с 3 849 887 в 2009 году до 5 662 446 в 2015 году, то есть на 47%.

Канада. По имеющимся статистическим данным 26 канадских академических библиотек, за 2000-2001 и 2012-2013 годы число выданных материальных единиц снизилось с 12 492 134 до 6 128 543, то есть на 50,94%. Однако данные 21 канадской академической библиотеки показывают, что количество посещений возросло с 18 863 135 до 32 798 478, то есть на 73,87%.

Итак, если студенты больше не ходят в библиотеку за печатными изданиями, то зачем они тогда вообще туда ходят?

Притягательная сила библиотек

Я уверен, что студенты продолжают посещать академические библиотеки, потому что библиотеки постоянно обновляются в соответствии с их потребностями.

Помимо того что библиотека стала последним оплотом тишины в шумном, полном отвлекающих факторов мире, многие академические библиотеки приняли ряд шагов навстречу студентам, например смягчили (или отменили) давнишние запреты на еду и питье в своих помещениях, обеспечили возможность круглосуточного посещения и стали позиционировать себя как комфортные и дружественные, а не грозные и отталкивающие организации. В рамках этой клиентоориентированной тенденции академические библиотеки переделывают пространства, ранее предназначавшиеся для хранения печатных книг, в площади, предназначенные для самостоятельных и групповых занятий, обучения и общения.

Вот несколько примеров того, как прогрессивные академические библиотеки повышают свою привлекательность для студентов.

Библиотека Государственного университета Гранд-Вэлли проводит Ярмарку знаний, где студенты учатся друг у друга вести научные исследования, писать научные работы, выступать публично, заниматься графическим дизайном или статистическим анализом. Помимо других специализированных помещений в библиотеке есть комнаты, отведенные специально для подготовки аудиовизуальной продукции, цифровых проектов, отработки навыков публичного выступления.

Библиотеки Университета Северной Каролины предложили площадки, на которых студенты могут практиковаться в использовании электронных устройств, 3D-печати и сканировании, столярно-фрезеровочных работах, создании нательных гаджетов или объектов, подключаемых к интернету вещей. Помимо этого, студенты могут использовать расположенные в библиотеках медиалаборатории и медиастудии, помещения для музыкальных занятий, визуализации, проведения презентаций и т.д.

Библиотека Университета Огайо предлагает услуги Центра письма, консультации по вопросам авторского права, организации систем управления данными, поддержку в поиске финансирования и проведения исследований, связанных с изучением мнений людей. В библиотеке есть специализированные помещения: залы для конференций и семинаров, комнаты для цифровой визуализации и мозгового штурма, аудитории для проведения учебных занятий.

Смена образа библиотеки

Размышляя над стратегиями обновления, сотрудники академических библиотек стремятся мыслить как можно шире, обогащая и расширяя давно существующую образовательную традицию, а не поворачиваясь к ней спиной.

Заслуженный библиотекарь Карлтон-колледжа Сэм Демас по этому поводу сказал: «Академические библиотеки были на протяжении нескольких поколений поглощены мыслями о своей роли как своеобразных врат на пути к информации, сначала печатной, а впоследствии цифровой. В последние годы в нас наконец снова проснулось понимание того, что основой библиотеки являются люди: то, как они учатся, используют информацию, участвуют в жизни учебного сообщества. В результате мы начинаем восстанавливать ту часть функционала библиотеки, которая исторически превращала ее в центр образования, культуры и жизни интеллектуального сообщества».

Академическая библиотека, которая сумеет оправдать свою столь важную роль, никогда не изживет себя.

Сопоставление двух подходов к оценке того, что происходит с выпускниками вузов

Клиффорд Адельман

Клиффорд Адельман — сотрудник Института политики высшего образования, Вашингтон, США. E-mail: cadelman@ihep.org.

Лидеры высшего образования стран с развитыми возможностями сбора данных все чаще задаются вопросом, что происходит с выпускниками наших вузов. Ответы на этот вопрос не только помогают обосновывать инвестиции в инфраструктуру университетов и сотрудников, но и приободряют размышляющих над своим будущим студентов. В этой статье кратко представлены два основных подхода, используемых

для ответа на этот вопрос в странах с масштабной системой высшего образования. Первый подход реализуется в рамках американской программы лонгитюдных исследований «Бакалавриат и после него» (Baccalaureate and Beyond; далее В&В). Второй описан в итоговом отчете по исследованию о целесообразности и потенциальной структуре опроса выпускников европейских университетов (доступен на сайте www.eurograduate.eu). Различия между этими подходами существенны и интересны, даже не принимая во внимание то, что первое исследование — американское, а во втором участвуют 30 европейских стран, говорящих на 25 языках.

Прежде чем пойти дальше, нужно отметить, что американское исследование уже было реализовано, а европейское (далее EGS) — план, который еще только предстоит реализовать.

Предпосылки и цели

Американское исследование В&В было запущено Национальным центром образовательной статистики (NCES) в 1993 году и обусловлено тем, что а) проводившиеся шесть раз в период с 1974-1975 по 1989-1990 годы перекрестные обследования касались только выпускников, получивших степень бакалавра или магистра всего за год до опроса, и подавляющая часть респондентов были будущими учителями; б) В&В стало логичным продолжением национального лонгитюдного исследования, которое начинается в средней школе и продолжается 12-14 лет, но дает мало возможностей отследить жизнь и карьерный путь участников после получения образования. В&В отслеживает их путь от начала до конца.

Предварительное проектирование EGS, проведенное при финансовой поддержке Европейской комиссии, было направлено на выработку схемы, позволяющей преодолеть несогласованность национальных систем мониторинга (например, немецкого проекта German Tracer Studies Co-Operation Project (KOAB) или итальянского AlmaLaurea) и отслеживать профессиональное и личностное развитие выпускников вузов по всему континенту. Статистически — с точки зрения количества и типов участников — проект EGS представляется более убедительным, чем более ранние схожие международные опросы, такие как REFLEX (Research into Employment and Professional Flexibility) 1998-2000 годов.

Структурные различия

Принципиальные отличия EGS от американского аналога следующие. Во-первых, в американском проекте участвуют только выпускники бакалавриата, а в европейском под выпускниками понимают и бакалавров, и магистров, что является естественным следствием Болонского процесса и того, что более половины бакалавров продолжают обучение в магистратуре. Во-вторых, респонденты В&В заполняют опросник один раз

в 10 лет, а EGS рекомендует проводить два параллельных опроса: один ретроспективный, с вопросами о предшествующих пяти годах, а другой — с вопросами о будущем в перспективе на один год, четыре года и (в зависимости от успешности, а также наличия интереса и финансирования) девять лет. Таким образом, европейцы одновременно получают информацию и о прошлом, и о том, что потенциально может произойти в будущем.

Предварительное проектирование EGS, проведенное при финансовой поддержке Европейской комиссии, было направлено на выработку схемы, позволяющей преодолеть несогласованность национальных систем мониторинга и отслеживать профессиональное и личностное развитие выпускников вузов по всему континенту.

Третье отличие состоит в более сложном подходе к формированию выборки EGS. Проект В&В проводится в одной стране, на одном языке и опирается на подвыборку Национального исследования о распределении помощи студентам (NPSAS), в которую входят люди, получившие степень бакалавра в соответствующем году. А выборка EGS будет разрабатываться с нуля в зависимости от набора стран, которые решат участвовать (их может быть 9, а может — и 19), и от того, какие группы вузов будут выбраны этими странами. В американской выборке распределять весовые коэффициенты показателей проще, в отличие от многострановой европейской выборки, где показателям присваивается два весовых коэффициента: один внутри страны, а второй — для международной выборки. Количество участников подобных исследований всегда сокращается со временем, поэтому распределение весовых коэффициентов в выборке придется постоянно пересматривать.

Последнее различие — в подходах к финансированию. V&V финансируется из единственного источника, а финансирование EGS будет осуществляться министерствами стран-участниц, а также, возможно, такими международными организациями, как Европейская комиссия, ОЭСР и другие. Если необходимые средства не будут собраны, EGS не состоится, а значит, не будет реализована уникальная возможность создать единую европейскую информационную инфраструктуру.

Тематические различия: индивидуальное против социального

Основное содержание американского опроса строится вокруг вопросов о личной удовлетворенности различными аспектами обучения в магистратуре (подготовка к карьере, затраченное время и усилия); удовлетворенности работой (насколько она интересна, соцпакет, заработная плата, стабильность, условия труда, коррелирует ли с образовательной программой); удовлетворенности своим финансовым положением. Все эти показатели оцениваются в каждом раунде опроса, и в каждом раунде в центре опроса находится личность респондентов.

В EGS, напротив, личная удовлетворенность не является центральной темой исследования и связанных с ним обсуждений. Наоборот, акцент делается на крупных социальных группах и процессах, например на активном гражданстве, социальной/культурной/экономической ориентации, экономических циклах, социальных сетях. Индивидуальное затрагивается только в вопросах, касающихся качества жизни, соотношения личного и рабочего времени, ключевых событий жизненного цикла.

Если говорить о тематике, связанной с рынком труда, V&V концентрируется на вопросах о типе работы, профессиональных требованиях, месте расположения, уровне личной автономии и свободы действий, а также образовании, полученном после окончания бакалавриата, его стоимости и содержании (в EGS вопрос о дополнительном образовании вообще не поднимается). Сравнивая рассматриваемые методики, можно выделить разные подходы к изучению того, что разработчики EGS называют компонентами «качества трудоустройства», — количество рабочих часов и заработная плата, — анализируя которые они используют скорее дескриптивный подход и не склонны доверять чистым количественным показателям. Кроме того, предлагаемая структура EGS предполагает пошаговое сопоставление требований рынка труда и процесса обучения в вузе. Авторы американского опроса этого не делают, несмотря на растущую дискуссию о проблемах бакалаврского образования. В отличие от EGS, показатели V&V не отражают и различий между навыками, необходимыми для работы, навыками, полученными во время обучения, и реальными навыками, используемыми в профессиональ-

ной жизни, хотя в США часто слышны жалобы на несоответствия между ними. Как подчеркивают авторы EGS, основные отличия этого исследования от других связаны с темой «долгосрочности трудоустройства».

Параллельные расхождения: индивидуумы и вузы

Хотя исследование V&V посвящено студентам, в выпускаемом ежегодно с 2013 года отчете Министерства образования США под названием Scorecard прослеживается свойственное Штатам стремление сделать выводы по вузам, что ведет к формированию рейтинговой ментальности. В противовес этому все участники европейского обсуждения проекта EGS — министерства, объединения ректоров, группы исследователей — тему «Сравнение отдельных вузов» неизменно ставили на одиннадцатое, последнее возможное место среди предполагаемых основных содержательных направлений EGS.

Размер заработной платы — один из показателей успешности на рынке труда. Среди 11 категорий проекта EGS есть показатель «Окупаемость образования» (более сложное понятие, чем заработная плата), который довольно сложен в описании, поскольку в некоторых европейских странах образование бесплатно, а ежегодные административные сборы со студентов могут достигать до 400 долларов США. Вопрос окупаемости образования занял среди европейских министерств шестое по приоритетности место, а среди ректоров и ученых — седьмое. Это не слишком высокая позиция для индикатора такого значения. Говоря о «зарботке», европейцы учитывают и «компетенции, полученные на рабочем месте», то есть они рассматривают полученные на рабочем месте знания и навыки как эквивалент материального вознаграждения. В США, напротив, анализ показателя «Средний заработок через 10 лет после окончания вуза» в отчете Scorecard привлекает самое большое внимание вузов и СМИ, несмотря на спорность данных, на которых он основан.

В целом существует два иногда пересекающихся, но все же очень разных подхода к мониторингу жизни выпускников вузов: один ориентирован на индивидуальные достижения, другой — на социальные результаты. Получаемые результаты влияют не только на прозрачность системы высшего образования, но и на представления студентов о своем будущем.

